

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Бабашкин В.В.

**О теориях среднего уровня в современной российской
историографии**

Москва 2014

Бабашкин ВладимирВалентинович - д.и.н., профессором кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций экономического факультета РАНХиГС

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2013 год.

Ахиллесовой пятой отечественной историографии советского и постсоветского периодов было и во многом остаётся нежелание разрабатывать теории среднего уровня и даже оглядываться на уже разработанные. В этом отношении преемственность означенных периодов безусловна, и это их глубинное сходство намного более существенно, нежели какие-то бросающиеся в глаза различия (вроде того, за кем Правда – за красными или за белыми). Это очень похоже на отсутствие среднего класса в социально-экономической структуре общества или на отсутствие полутонов в социальной психологии большинства соотечественников (вот ведь понимаем, что правда посредине, но так неохота углядеть её именно там, а не в одном из экстремальных вариантов). Бушующие сегодня споры в исторической литературе о содержании и смысле богатых на события первых десятилетий XX века в значительной степени несут на себе отпечаток этого экстремизма. Между тем, от того, как будет трактована, скажем, Русская революция XX в. в том же едином учебнике по истории Отечества, зависит и появление среднего класса, и формирования способности соотечественников видеть оттенки смыслов в истории родной страны.

Выдающийся английский историк-социолог Теодор Шанин в своей монографии о Русской революции приводит любопытную классификацию историографических традиций при изучении событий и процессов той революции. Сущность основных теоретических подходов, по его мнению, может быть выражена словами: прогресс, заговор, непознаваемость и обратная связь реалий и познания. Быстрый переход многих российских историков из «ярких марксо-прогрессистов в не менее завязтые рыночно-прогрессисты сегодняшнего дня» Т. Шанин склонен без всякого скепсиса или сарказма объяснять не столько оппортунизмом, сколько общностью методологии, принадлежностью к первому из этих подходов. Просто данный тип мышления схож с тем, как мыслят сильные мира сего. Бегло обрисовав особенности исторических работ, которые могут быть отнесены ко второй и третьей категориям, своё исследование учёный сознательно и однозначно

относит к четвёртой: «Это “теории среднего уровня”, которые не признают как всеопределяющих ни однолинейности теории прогресса, ни господства случая в заговорщической историографии, ни абсолютной непознаваемости истории... Это историческая социология, особенности и внимание которой сфокусированы на переключке, противоречивости, взаимосвязи и взаимопереходе “объективного” и “субъективного” в их обратной связи и особо её выражения как “уроков истории” в массовом как и в элитном познании»¹.

Приведу пример того, как применение теорий среднего уровня при анализе важного вопроса истории нашей страны способно «сбить прицел» приверженцам теории прогресса, нарушить свойственную им идеологическую чистоту. 24 июня 1997 г. на очередном заседании теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» участниками обсуждался доклад С.Г. Уиткрофта (Австралия) и Р.У. Дэвиса (Великобритания) «Кризис в советском сельском хозяйстве (1931-1933 гг.)». В одном из выступлений было высказано сожаление, что за огромным нагромождением фактов и цифр в тексте доклада плохо прослеживается Концепция (с большой буквы), которая объяснила бы голодную трагедию 1933 года². На это авторы доклада ответили, что сознательно уходили от идеи советской исторической науки о плановой социалистической экономике, которая исключала советские экономические кризисы вообще и не давала адекватно анализировать тот конкретный кризис, в частности. Но столь же сознательно они держались подальше от навешивания всех собак на сталинское тоталитарное руководство и от идеи, согласно которой капитализм и свободный рынок решат все проблемы экономического развития во всех уголках мира, включая и крестьянские страны. Эту идею, по их мнению, «ожидает ещё более позорный крах». Поэтому, вместо того, чтобы пользоваться Концепцией, они скрупулёзно собирали всё, что

¹ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 – 1917-1922 гг. М., 1997. С. 16-18.

² Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1998. № 6. С. 120-121.

относится к предмету их научного доклада, всё время сопоставляя это с «концепциями второго порядка», чтобы лучше уяснить, что это было на самом деле, а не «по идее»³. Среди этих-то «концепций второго порядка» при анализе катастрофических последствий того аграрного кризиса никак нельзя, к примеру, пройти мимо важных ментальных характеристик крестьянства как такового и советского крестьянства периода начала коллективизации.

Чтобы подчеркнуть, насколько сегодня актуальна постановка вопроса о теориях среднего уровня, не могу удержаться ещё от одного примера – также напрямую связанного с проблематикой крестьянского менталитета. У составителей сегодняшних материалов ЕГЭ по школьной дисциплине «Обществознание» родился любопытный вопрос: «Иногда свобода понимается как вседозволенность. В начале XX в. в русских деревнях пели такую частушку:

Бога нет, царя не надо.

Губернатора убьём,

Платить подати не будем,

Во солдаты не пойдём.

К каким последствиям может привести такое толкование свободы? Конкретизируйте свой ответ примерами»⁴. Искомый воспитательный эффект понятен, легко представить, за какой ответ проверяющий может поставить «пятёрку». Но человеку, мало-мальски знакомому с такой теорией среднего уровня, как «оружие слабых» Джеймса Скотта⁵, понятно, что ничего другого русские крестьяне тогда, с середины 1915 г. (а эта частушка получила широчайшее хождение именно тогда), и петь не могли. О.С. Поршнева, специально занимавшаяся этим вопросом, констатирует качественное изменение отношения крестьян к войне и, соответственно, к царю

³ Там же. С. 123-124.

⁴ <http://znaniya.com/task/4049069> Если бы мне предложили конкретизировать примерами моё сугубо отрицательное отношение к ЕГЭ по истории и обществознанию, этот вопрос был бы среди лучших примеров.

⁵ Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985. Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996. С. 26-59.

приблизительно с середины 1915 г. «Власть, – пишет она, – в рамках такого сознания ощущается не как сфера человеческой деятельности, изначально несовершенная, а либо как область сакрального, истины и справедливости, либо как царство тьмы. После того, как у носителя подобного сознания размывается представление о святости власти [...], оно заменяется на свою противоположность и порождает не легальные формы борьбы за изменение облика власти, а полное её отрицание и стремление уничтожить как источник зла»⁶. Слухи, дискредитировавшие монархию, на завершающем этапе войны нарастали лавинообразно, основанные на них суждения были жёстки и по-крестьянски категоричны. На российской почве эти умонастроения, в частности, кристаллизовались в частушки, одну из которых можно безошибочно датировать не ранее чем мартом 1917 г.:

«Как на царском на троне
Замест сокола ворона,
Мы ворону невзлюбили,
Совсем царя отменили»⁷.

В контексте настоящего доклада целесообразно сосредоточить основное внимание на том комплексе теорий среднего уровня, которые составляют современное *крестьяноведение*. Под этим словом в современную российскую гуманитарную науку входит то, что несколькими десятилетиями прежде разрабатывалось в западном обществоведении как *Peasant Studies*, т.е. исследования истории крестьянских обществ, выработка основных теоретических подходов в таких исследованиях.

Краеугольным камнем методологии данного направления гуманитарной науки является метод включённого исследования, т.е. внутренняя потребность и умение исследователя встать на точку зрения объекта своего исследования, обитателя сельской общины. Очень хорошо об этом сказано в книге одного из основоположников крестьяноведения,

⁶ Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 106.

⁷ Там же.

американского историка-антрополога Роберта Редфилда «Малое сообщество. Крестьянское общество и культура»⁸. В течение долгого времени изучая жизнь обитателей мексиканской деревни Чан Ком, Редфилд поймал себя на том, что его первоначальный взгляд был подсознательно подчинён поиску ассоциаций с тем, что он читал о жизни земледельцев в академической литературе, в частности, о протестантской этике жителей Новой Англии, описанной М. Вебером. И лишь со временем пришло осознание того, насколько целостна изучаемая социальная система и насколько случайны первоначальные ассоциации. Это осознание оказалось возможно только через «*взгляд изнутри*»: через способность исследователя воспринять, впитать то мироощущение, которое характерно для самих обитателей изучаемого сообщества. Принадлежность к высокой академической культуре даёт учёному возможность опираться на определённый теоретический аппарат и методологический задел при рассмотрении и трактовке главнейших сторон жизни малого сообщества. Но он не должен вставать в позицию внешнего наблюдателя прежде, чем он выработает достаточно внимательный «*взгляд изнутри*», то есть научится разбираться в ценностных ориентациях, верованиях, стереотипах социального поведения изучаемых людей.

Академическая школа исследователя, конечно, не должна быть помехой при исследовании этой реальности. Напротив, владение методами экономического, статистического анализа, знания о параллельных реальностях, о социально-экономических и социокультурных взаимосвязях должны всячески содействовать крестьяноведческому исследованию – содействовать, но ни в коем случае не подменять. Только какие-то разумные формы сочетания сложившихся форм гуманитарного знания с означенным «*взглядом изнутри*» дают нужный результат.

Этот «*взгляд изнутри*», по Редфилду, должен быть сфокусирован у исследователя на таких вещах, как отношения соседства, партнёрства,

⁸ Redfield R. The Little Community. Peasant Society and Culture. Chicago, L., 1960.

соперничества, иерархии, на семейных отношениях во всей их сложности и многообразии. Особую проблему составляет включённость общины в более широкий социальный мир и характер представлений людей об этой включённости. Обитатели малого сообщества отдают себе отчёт в том, что за его пределами живут другие люди и другие сообщества, и живут они по-другому. «А потому, – пишет Редфилд, – в умах его обитателей присутствуют по крайней мере два критерия для определения характера отношений между людьми своего сообщества и людьми вне его: степень удалённости и степень разницы. Члены малого сообщества осознают себя как общность, в частности, и по контрасту с другими людьми, которые “где-то там” и которые не совсем такие, как они»⁹.

В 1990-е – 2000-е гг. группа специалистов-исследователей аграрной реальности нашей страны, сельской России, сплотившаяся вокруг фигуры Т. Шанина, сознательно обращалась к данному исследовательскому методу, доведя его до определённой степени совершенства и разработав методологию *двойной рефлексивности*. Данная исследовательская практика уходит корнями в практику включённых исследований в отечественном и зарубежном крестьяноведении. Она предполагает поиск оптимального сочетания качественных и количественных исследований, «близости» и «отстранённости» исследователя, особое внимание к личностному значению действий объекта исследования, взаимообогащение объекта и субъекта научного поиска.

Сам Т. Шанин писал об этом так: «Ядро методологии двойной рефлексивности состоит из некоторого числа взаимосвязанных теоретических концепций и исследовательских стратегий. Что касается концепций, то это: качественная методология; качественно-количественный интерфейс и двойная рефлексивность. Для данных стратегий полевого исследования наиболее значимы интерактивность полевого исследования, связанная с вживанием в изучаемое сообщество, и “глубокое” интервью с

⁹ Ibid. P. 113.

помощью “полуструктурированных” (semi-structured) опросников, а также метод подготовки, взаимной поддержки, взаимопроверки и коллективного вклада в развитие программы исследования, который был назван нами “длинный стол” – по месту и характеру проводимых встреч и совместной работе коллектива исследователей. Для того чтобы понять суть методологии двойной рефлексивности, необходимо определить лежащее в её основе эпистемологическое видение и выяснить специфику её главных составляющих, помня афоризм, что “Бог познаётся в частностях” (God resides in the details)»¹⁰.

По существу перед нами теоретическое определение данного исследовательского подхода, центрального для крестьяноведения, в том виде, в каком этот подход реализуется в практике работы группы исследователей под научным руководством Шанина. Ключевые слова в этом определении: интерактивность, «глубокое» интервью, взаимопроверка/«длинный стол», первые два из которых связаны с необходимостью «вжиться», «влезть в шкуру» исследуемого (пользуясь английским фразеологизмом, “to step in his slippers”). Что касается взаимопроверки и практики «длинного стола», Шанин, подробно описывая, как работает метод, показал, что это помогает исследователю избежать определённой опасности слишком глубокого «вживания» в изучаемую обстановку. Чтобы не «замыливался» глаз, сохранялась некая свежесть, острота и в тоже время академичность, отстранённость восприятия изучаемой реальности, в группе сложилась практика периодически собираться за таким столом, форма которого, подчёркивает некоторое необходимое неравноправие его участников: во главе стола должен сидеть руководитель исследовательского проекта, в чьей голове, как в этаким терминале, накопителе, должна складываться общая картина исследования¹¹. Так археологи с ножом и кисточкой вгрызаются в те тайны, которые пласт за пластом открывает культурный слой, в те детали, в

¹⁰ Шанин Т. Методология двойной рефлексивности и исследования современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002. С. 69-70.

¹¹ Там же. С. 70-90.

которых – Бог, – а на страницах монографии руководителя раскопок предстаёт то, что все эти находки нам поведали. При этом глава «длинного стола» так же зависим от каждого из участников «посиделок» и его сиюминутных результатов, как все они в ходе этих взаимообогащающих дискуссий зависимы друг от друга.

Американскому крестьяноведу Дж. Скотту удалось создать выдающуюся книгу «*Моральная экономика крестьянства*»¹² именно благодаря такой исследовательской практике: длительное проживание в сельских общинах стран Юго-Восточной Азии в стремлении сравнить свои академические теоретические представления об этих социально-экономических системах с реальностью. Он в данном случае выступил как сам себе и исследователь-полевик и участник дискуссий о том, как соотнести результаты полевых исследований с тем, что известно об объекте исследования по книгам, и глава «длинного стола» этих внутренних дискуссий. О необходимости для исследователя крестьянской реальности постоянно поддерживать в себе такую внутреннюю полемику, чтобы не утратить способность объёмного, бинокулярного восприятия изучаемого, писал в своё время и Р. Редфилд, поскольку изучаемая реальность, по его же определению – это и «то», но в то же время и «это», а также и «что-то ещё»¹³.

«*Моральная экономика крестьянства*» Скотта стала настоящим переворотом в этой области человеческого знания. Подобно тому, как включённый анализ, или «взгляд изнутри», или двойную рефлексивность, можно считать основой крестьяноведческой методологии, так *концепцию «моральной экономики»* есть основания рассматривать как краеугольный камень всей концептуальной системы общетеоретического подхода крестьяноведения. Её творческое применение может многое прояснить в поведении крестьян, например, в период столыпинской реформы, в ходе революции и Гражданской войны, в условиях нэпа и коллективизации.

¹² Scott J.C. *Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven, L., 1976.

¹³ Redfield. *Op. cit.* P. 137.

Крестьянское (шире – народное) сопротивление государственному насилию и в последующий исторический период также получает важный дополнительный ракурс при изучении с применением данной концепции. Саму суть теоретического подхода Скотт поясняет так: «Я стараюсь показать, каким образом страх перед голодом объясняет многие особенности технической, социальной и моральной организации крестьянского общества, которые без этого понять невозможно»¹⁴.

Принципиально порочны, по Скотту, попытки теоретического объяснения деятельности крестьянина с точки зрения предпринимательского интереса или политической организации общества, как это всегда делалось в рамках разных вариаций теории прогресса. Каноны классической экономической теории о рациональном поведении оказываются здесь под большим сомнением. Зато если взглянуть на действия земледельца, его взаимоотношения с соседями, с земельной знатью, с государством под тем углом зрения, насколько все это способствует решению его исконной задачи по обеспечению самого существования своего и своих близких, многое встаёт на свои места. В основе огромного большинства конкретных проявлений аграрной организации лежит принцип «главное – выжить». *А всё то, что защищает от столкновения с голодом лицом к лицу, составляет для крестьянина ценность первого порядка, по сравнению с которой ничтожно и незначительно всё, что происходит «где-то там» в городах, что пишется о деревне в кабинетах учёных и звучит из уст политиков, как рассуждают народники и марксисты об эксплуататорской сущности дворянства.*

Теорию *повседневных скрытых форм народного сопротивления* в крестьянских обществах Дж. Скотт изложил и аргументировал в специальной монографии «*Оружие слабых*»¹⁵. Он считает рассмотрение этих форм необходимым условием для того, кто хочет разобраться в сути и смысле крестьянских восстаний. Он относит к этим формам самые разнообразные

¹⁴ Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. P. VII.

¹⁵ Scott J.C. Weapons of the Weak.

действия крестьян и их поведенческие стереотипы, полагая впрочем, что это многообразие пропорционально многообразию форм угнетения – материального, морального (отрицание человеческого статуса), идеологического. Наиболее действенны такие формы крестьянского противостояния властям, как *браконьерство, воровство, потравы и другие нарушения прав собственности власть имущих, происходящие постоянно и при молчаливом одобрении соплеменников; разные способы уклонения от налогов и прочих повинностей; дезертирство*. Можно приводить множество примеров, подтверждающих, что любая из перечисленных форм повседневного сопротивления, будучи, на первый взгляд, нарушением законности, отклонением от нормы, на самом деле составляла скорее как раз норму в обыденной жизни российской деревни. И огромная сила этого сопротивления заключалась именно в повседневном его характере и молчаливой солидарности односельчан.

К области идейно-культурного противостояния относится многое в крестьянском мифотворчестве и фольклоре. Это один из проверенных способов стравливать лишний пар время от времени закипающего крестьянского недовольства, раздражения действиями властей¹⁶. Нельзя не отметить, что хотя этот общий вывод автор «Моральной экономики» и «Оружия слабых» делает, изучая в основном латиноамериканские и европейские историко-культурные источники, российской исторической реальностью даёт массу подтверждений корректности такой постановки вопроса в теории, универсальности этой деятельности крестьянства повсеместно. Так, в русской народной сказке возвращающийся в родную деревню солдат или официально считающийся дурачком крестьянский сын неизменно оказываются умнее и проворнее культурных да образованных. Это подметил и В.Р. Мединский: «С добротой, но в то же время с юмором мы относимся к персонажам, которые высмеиваются в сказках. Иван, конечно, дурак, но очень странный. Он проявляет сообразительность и здравый смысл

¹⁶ Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. P. 233-239; Скотт Дж. Оружие слабых. С. 49-52.

в критических ситуациях, но не всегда... Стоит появиться любому начальству, и герой сказки сразу тупеет, становится ленивым и неактивным. В общем, “поближе к камбузу, подальше от начальства” – очень старая солдатская и народная мудрость»¹⁷.

В современном крестьяноведении разработана и проблема *открытого крестьянского восстания*. В концептуальной схеме «моральной экономики» она выглядит довольно неожиданно. Привычная для советской историографии трактовка состоит в том, что периодически происходящие в феодальном обществе региональные и локальные восстания это и есть главное доказательство наличия и главная форма проявления классовой борьбы угнетённых и эксплуатируемых против эксплуататоров и эксплуататорского общественного строя. Считалось почти априори, что крестьянские восстания расшатывают устои феодально-крепостнического устройства общества, тем самым продвигая вперед социально-экономический прогресс.

Для методологии крестьяноведения характерен как бы обратный по сравнению с прогрессизмом подход, когда сущность восстания не заранее predetermined в рамках общетеоретического взгляда, но более пристальное внимание к реальным причинам *каждого конкретного* крестьянского выступления, «взгляд изнутри» позволяет сторонникам морально-экономической теории сформулировать общий взгляд на природу восстания. И взгляд этот оказывается существенно иным: открытое возмущение крестьян – это почти всегда реакция на попытки резких изменений в сложившемся жизненном укладе со стороны помещиков и других властей (что и воспринимается участниками восстания как усиление эксплуатации, если использовать для анализа этот привычный термин). Коротко говоря, *крестьяне восстают не против помещиков и властей, т.е. не против существующего строя, а как раз за таковой* – против случающегося временами слишком уж вопиющего нарушения помещиками и

¹⁷ Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М., 2008. С. 518.

администрацией канонов моральной экономики и этики пропитания. Крестьянские восстания всегда обречены на неуспех, что хорошо осознаётся их участниками. Просто у крестьян, как правило, не находится другого способа сигнализировать властям, что слишком уж многое в жизни начинает делаться не по обычаю, «не по-божески»¹⁸.

В эпоху модернизации характер крестьянского восстания существенно изменяется: всё чаще имеет место развитие событий по типу цепной реакции, что делает масштабы выступлений поистине безграничными. Здесь уже требуется особое теоретическое осмысление, новый концептуальный подход. В обширном сравнительном исследовании под названием «Крестьянские войны двадцатого столетия» американский крестьяновед Э. Вульф подчеркивает очевидное сходство в исторических судьбах таких мощных аграрных обществ, как Индия, Китай, Турция, Россия, Мексика. Во всех случаях углубление процессов модернизации сопровождалось крестьянскими выступлениями общенационального масштаба и огромной внутренней солидарности. Везде правящие режимы пытались по горячим следам свалить ответственность за это на «агитаторов со стороны», которые, впрочем, играли самую незначительную роль (если вообще играли) в *самоорганизованных* действиях крестьянства. Крестьяне же, как и прежде, «поднимались, чтобы всё привести в привычную норму; однако те несообразности, против которых они восставали, представляли теперь собою не что иное, как локальные проявления больших социальных сдвигов. Таким образом, восстания естественно перерастают в революции, массовые движения, трансформирующие всю социальную структуру. Полем битвы становится всё общество, и когда война заканчивается, общество изменяется – и крестьяне с ним вместе. Поэтому роль крестьянина в этих событиях трагична по сути своей: он стремится исправить по своему разумению тяжкое настоящее, но его усилия лишь приближают ещё более

¹⁸ Scott J.C. Moral Economy of the Peasant. P. 193-202.

неопределённое будущее»¹⁹. Однако Вульф видит во всём этом не только трагизм, но и широкие перспективы, поскольку, хотя крестьяне и не достигают своими выступлениями искомого результата, в конечном итоге уходят в прошлое голод и эпидемии, рушатся прежние автократические системы власти, люди получают более широкий доступ к образованию и участию в общественной жизни. Подобный взгляд на вещи уже составляет качественно новую теоретическую основу для рассмотрения революционных событий в России в XX в.

Теорию *циклической социальной мобильности* разработал Т. Шанин²⁰, хотя его приоритет в этом плане оспаривает известный петербургский историк Б.Н. Миронов. Суть её сам Шанин разъяснял таким образом: «Реально происходящий процесс, который был обозначен мною как циклическая мобильность, сводится к следующему: чем ты богаче, тем больше у тебя возможностей стать беднее, и чем беднее – тем больше шансов стать богаче. Это нелогично по всем канонам нормальной экономической науки. Надо сказать, что и на сегодняшний день в России в этом смысле немного изменилось. Для того, чтобы классовый конфликт был осознан и начал играть роль решающего элемента в политической жизни страны, должно иметь место стабильное и углубляющееся классовое разделение. В условиях, когда классовое, социальное положение населения всё время меняется, классовая принадлежность перестает играть решающую роль в мышлении людей, их объединении, организации и т.д. Чем быстрее происходят эти перемены, тем в меньшей степени классовая принадлежность является определителем политического поведения. В условиях действия циклической мобильности разделения крестьянства на классы в смысле назревания классового конфликта практически не происходило. Если уж и был классовый конфликт, то это был обострявшийся конфликт между

¹⁹ Wolf E.R. Peasant Wars of the Twentieth Century. L., 1971. P.301.

²⁰ Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905-1930 гг. // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 30-40.

крестьянством и некрестьянскими слоям населения. Крестьянство действовало как единая сила»²¹.

Экономические исследования того времени обнаруживали, что накануне революционных событий в России в начале XX в. на фоне относительной стабильности средних слоёв общинной деревни количество бедных, которые становились богаче, и богатых, которые становились беднее, было значительным. Это означает, что законы классической экономической науки, согласно которым в богатом производстве создаётся всё больше предпосылок к дальнейшему обогащению, в мелком – к дальнейшему падению, действуют в предреволюционной России с существенными оговорками. Конечно, в русской деревне начала прошлого века шли процессы социально-экономической поляризации, которые трактовала общепризнанная наука, о которых Ленин писал в «Развитии капитализма в России». Но (и это очень важно учитывать теоретически) параллельно продолжали по инерции осуществляться и процессы выравнивания семейных хозяйств, характерные для дорыночных, феодальных стадий развития аграрных обществ. Высокий уровень политического единства российского крестьянства, без учёта которого чрезвычайно затруднительно понять что-то важное в истории русской революции, во многом объясняется формами социальной мобильности и её интенсивностью.

Весьма интересно и совершенно не похоже ни на наши прежние трактовки, ни на новейшие выглядит с точки зрения применения описанных выше методологии и концепций выглядит, к примеру, проблематика столыпинской реформы. Английская исследовательница Дж. Пэллот опубликовала результаты скрупулёзного изучения архивных документов по проблеме реализации столыпинского аграрного законодательства в общинной деревне России. Историк пошла крестьяноведческим путём,

²¹ См.: Бабашкин В.В. Россия в 1902-1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М., 2007. С. 206-207.

изыскивая в архивах те документы, которые прямо или косвенно свидетельствуют о реальном (а не идеологически приписанном) отношении огромного большинства крестьян к той реформе правительства. Она описывает чрезвычайно любопытный факт: даже и из тех, кто попадал по статистике в отрубники и хуторяне, т.е. в столыпинские фермеры, очень многие числились таковыми только на бумаге, уловив тенденцию правительственной политики и желая ухватить как можно больше льгот и послаблений, числясь самостоятельными хозяевами, но на деле никак не изменяя свою повседневную жизнь, не нарушая связи с общиной²². Социально-психологические основы такого поведения Дж. Скоттом и описывал в «Оружии слабых».

Обращение к теориям современного крестьяноведения это отнюдь не обязательно обращение к западной обществоведческой литературе. Нельзя недооценивать того, что сделано в этой области знания нашими соотечественниками. Есть специальное исследование, в котором показано, какими непростыми путями работа многих российских историков в области изучения аграрных отношений эволюционировала в советский период в крестьяноведческом направлении – несмотря на явное и жёсткое противодействие такому дрейфу со стороны идеологической власти²³. Размышления на этот счёт были также опубликованы и непосредственным участником тех идеологических баталий В.П. Даниловым в рамках публикаций материалов семинара «Современные концепции аграрного развития». На шестом заседании семинара, посвящённом монографии Р. Редфилда «Малое сообщество», он подробно рассказал, как в конце 60-х – начале 70-х гг. в рамках ежегодного симпозиума по аграрной истории создавалась секция по истории крестьянской общины в России, какой интерес вызывали у коллег научные исследования в этом направлении, и как

²² Pallot J. Land Reform in Russia, 1906-1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation. Oxford, 1999; Пэллот Дж. Разрушила ли общину столыпинская реформа // Отечественные записки. 2004. № 1.

²³ Бабашкин В.В. Россия в 1902-1935 гг. как аграрное общество: опыт применения концептуальных подходов современного крестьяноведения. Саарбрюкен, 2011. С. 18-46.

идеологический отдел ЦК КПСС, возглавляемый академиком С.П. Трапезниковым, автором двухтомника «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос», в конечном итоге прикрыл эту деятельность²⁴.

В отечественной историографии за последние приблизительно четверть века сложилась обычная практика отторжения как бы априори основных теоретических положений, которые пропагандировались с уровня идеологического отдела ЦК в качестве методологии марксизма-ленинизма. Разумеется, не следовало тогда задействовать административный ресурс для прекращения работы секции «Общественные институты сельского населения» ежегодного Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, даже если содержание работ секции казалось противоречившим канону. Это воспрепятствовало развитию отечественного крестьяноведения, и без того жёстко прерванному в 1930-е гг., ещё почти на два десятка лет. Однако из этого не следует автоматически, что В.П. Данилов и его сторонники были стопроцентно правы тогда, а позиция С.П. Трапезникова (во многом определявшая содержание тогдашних монографий по данной проблематике и соответствующих разделов учебников истории) была совершенно несостоятельной теоретически. Существует взгляд эксперта – В.В. Кабанова – на позиции споривших сторон, который запечатлён в следующей короткой цитате: «Большевики из тех, кто посмекалистее, видели в послушной общине плацдарм для организации будущих колхозов. *Так оно и получилось* (курсив мой – В.В.). Недаром в 60 – 70-е годы среди историков возобновился старый спор русских народников с марксистами об общине и “общинном пути” к социализму. Так, С.П. Трапезников утверждал, что община стала исходной формой развития коллективизации. Он писал, что “советская революция подготовила земельные общества для перехода в высшую форму, превратив их в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства”. В.П. Данилов отрицал это; он признавал консервативность общины и считал её препятствием на пути

²⁴ Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1994. № 6. С. 3-7.

коллективизации. Нам представляется позиция Трапезникова более предпочтительной»²⁵.

То, что возобновилось в конце 80-х – начале 90-х годов в этом идейном противостоянии, уже не было спором народников с марксистами. К тому времени всё, что отдавало марксизмом, уже принято было ниспровергать в порядке компенсации за годы как бы теоретической слепоты и якобы идеологической зашоренности. Позиции тех, кто отстаивал острую необходимость восстанавливать опыт и традиции общинно-крестьянских исследований в отечественной историографии, были значительно укреплены в связи с реабилитацией А.В. Чаянова в 1987 г. – через полвека после расстрела.

Как писал биограф выдающегося учёного В.Н. Балязин, «Александр Васильевич Чаянов вновь понадобился России. О его идеях семейной кооперации вспомнил и Пленум ЦК КПСС 16 июля 1987 года. За судьбу возрождённых из пепла его идей мы отныне несём ответственность. И коль скоро произвол осуждён сегодня всенародным судом, мы обязаны оградить его наследие от повторного насилия, не допустить извращения и произвольного толкования чаяновской мысли»²⁶.

Такая вот высокопарная фразеология использовалась тогда. Восстанавливалось идейно-теоретическое наследие поверженных научных школ, реабилитировались их лидеры и последователи. Хотелось, чтобы на место решительно (как водится у нас) отринутых авторитетов как можно скорее вставляли новые авторитеты (как без них?), с чьими идеями связывалось бы дальнейшее успешное движение по пути радикальной перестройки сложившейся системы общественных отношений, какой-то свет в конце туннеля. Верилось, что успешная перестройка может быть осуществлена на путях кооперации, само понятие о которой ассоциировалось с фигурой Чаянова.

²⁵ Кабанов В.В. Судьбы кооперации в Советской России: проблемы историографии // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 235.

²⁶ Балязин В.Н. А.В. Чаянов: «Сельская жизнь – естественное состояние человека» // Сеятели и хранители (в двух книгах). Кн. 2. М., 1992. С. 347.

Влияние научного творчества Чаянова на развитие мирового крестьяноведения действительно чрезвычайно велико, о чём всегда говорил и писал Т. Шанин. Он подтвердил это в предисловии к изданию на русском языке антологии хрестоматийных текстов по теории и истории аграрных обществ, включая Россию, которая впервые была издана известным английским издательством “Penguin” в 1971 г. под названием “Peasants and Peasant Societies” и к моменту русскоязычного издания переиздавалась на Западе семь (!) раз, вбирая в себя новые и новые классические тексты. Предисловие называлось «Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию» и начиналось такими словами: «Для британского учёного есть нечто особое в том, что он представляет книгу о крестьянах и фермерах российскому читателю. Ведь именно Россия начала века, а после и Советский Союз периода нэпа были мировыми лидерами в изучении крестьянства. ...То было время, когда во главе аграрных исследований стояли такие люди, как Вавилов и Чаянов, работавшие в стенах той же Тимирязевки и дружившие между собой»²⁷. Издание в русском варианте имеет название «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире», как бы подчёркивающее тот казус, что в русскоязычном гуманитарном пространстве заниматься всерьёз крестьяноведением и крестьянами долгое время было нельзя, и утраченное знакомство с предметом исследований необходимо срочно восстанавливать.

Чаянов рассматривал Россию как некапиталистическую экономическую систему, разрабатывал оптимальные формы социально-экономического развития страны на ближайшее будущее и длительную историческую перспективу²⁸. Но в конце 20-х гг. разработкам и научным рекомендациям Чаянова не суждено было воплотиться в практику, приходилось каяться в собственных заблуждениях, чтобы вывести единомышленников, учёных ОПН из-под удара репрессивной машины

²⁷ Шанин Т. Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 21.

²⁸ Чаянов А.В. К вопросу о теории некапиталистических экономических систем // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999. С. 467-497.

государства. А.М. Никулин считает, что чаяновские «покаяния» внешне, по форме были предназначены, прежде всего, «для прокуроров от генеральной линии, но их главный, глубинный смысл – объяснить ситуацию, дать правильную линию поведения честным, самостоятельным, трезво мыслящим учёным, старым квалифицированным кадрам экономистов, агрономов и тем самым сохранить их от избиения в процессе коллективизации»²⁹.

Если говорить о развитии отечественного крестьяноведения сегодня, следует подчеркнуть вклад, который вносит в это дело удивительной работоспособности историк В.В. Кондрашин. Он является одним из самых последовательных и талантливых продолжателей той исследовательской традиции, которая связывается с именем В.П. Данилова. В монографии «Голод 1932-1933 годов: Трагедия российской деревни» Кондрашин целый параграф озаглавливает так: «А была ли альтернатива трагедии?»³⁰. Как добросовестный учёный под давлением исследованного материала он вынужден признать, что вопреки популярным в 90-е гг. утверждениям (в том числе и среди участников семинара «Современные концепции аграрного развития», включая и его руководителей) о том, что кошмара коллективизации можно было избежать³¹, что была некая альтернатива сталинской политике³², факты говорят о другом, резко сужая возможность рассуждать о том, как могло бы быть, и предопределяя именно то, что происходило на самом деле. Нетрудно заметить, что трактовка коллективизации как «кошмара, которого можно (и нужно!) было избежать» является составной частью той целостной картины отечественной истории, которая создавалась на обломках научного коммунизма в 90-е гг. Наряду с мифологией о якобы блестящих результатах первых лет реализации столыпинской аграрной реформы и самых радужных её потенциальных перспективах, этот взгляд работал и работает на идеологическое обеспечение провальной современной аграрной политики государства.

²⁹ Никулин А.М. Чайновская версия коллективизации // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 202.

³⁰ Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008. С. 333-369.

³¹ Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: Человек, политик, учёный. М., 1990. С. 119.

³² Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 75-78.

Нынешняя аргументация Кондрашина, который перелопатил горы документов периода коллективизации, сводится к следующему. Во-первых, экономически наша страна на рубеже 20-х – 30-х гг. была зависима от западного капитала, западных технологий. И средства на преодоление этой зависимости могли быть изысканы только в крестьянском производстве. Других источников экономического развития, модернизации не существовало. О взаимовыгодном партнёрстве с Западом речь не шла и идти не могла. Историк проводит параллель с ситуацией 90-х – начала 2000-х гг., когда Россия погрязла в западные долги и только благодаря удачно сложившейся конъюнктуре рынка теперь рассчитывается с ними – но без всяких скидок, «по полной программе». Что же тогда говорить о положении конца 20-х – начала 30-х гг., когда угроза войны была более чем реальной, а цены на зерно на рынке в условиях мировой депрессии были невыгодными. Вести речь о свободе манёвра, которая якобы была у государственного руководства страны, слишком уж смело для добросовестного историка. Накануне коллективизации руководство страны уже было повязано огромными кредитами, которые брались у стран Запада под идеи индустриализации, и обязательства по которым нужно было выполнять. Это система аргументов из области экономических отношений.

Во-вторых, в основе идеи «прокрестьянской альтернативы», о которой любили писать историки и публицисты 90-х гг., всегда лежало представление о глубокой ненависти большинства крестьян к сталинскому режиму и его политике, о постоянной готовности этого большинства действовать режиму во вред, а себе на пользу. Однако, по мнению В.В. Кондрашина, крестьянам (равно как и рабочим, чьи ряды быстро пополнялись выходцами из деревни) слишком дорог был социалистический идеал, те надежды на справедливое будущее, которые питала деревня в отношении Советской власти, чтобы так вот в одночасье от всего этого отказаться. Крестьяне чувствовали справедливость многих действий режима, «крестьяне в какой-то мере разделяли со сталинистами презрительное отношение к лодырям и на своём

уровне, без всякой большевистской проповеди, понимали, что они не сделали всего того, что могли, в период полевых работ 1932 г.», поскольку в тот год саботаж правительственных заданий (заведомо, впрочем, непосильных) средствами «оружия слабых» принял поистине огромный масштаб. Дальнейший путь социально-экономической эволюции страны был путём взаимных компромиссов и уступок со стороны побеждённых, но не сломленных крестьян и победившего государства, которому рано было успокаиваться³³.

Интересна критика идеи альтернативы коллективизации, которую приводит в своих работах последних лет тамбовский историк Сергей Альбертович Есиков. Учитывая все другие критические соображения в отношении столь захватывающего сюжета отечественной истории, которые теперь публикуются и звучат в устных выступлениях на конференциях и симпозиумах, Есиков сосредоточивает свой анализ на теоретической позиции самого Н.И. Бухарина. Вывод исследователя: эта позиция была крайне противоречива и далека от адекватного восприятия реальности. С одной стороны, Бухарин был против форсирования в организации колхозов, с другой, – он в статье «Заметки экономиста» осенью 1928 г. отмечал, что партия уже опоздала с постановкой вопроса о создании колхозов и совхозов. Он решительно выступал за ограничение кулака и отказывался видеть, что середняцкое хозяйство не в состоянии решить продовольственную и сырьевую проблему страны в складывающейся внутривластной и внешнеполитической ситуации. «Могла ли быть осуществлена “бухаринская альтернатива” – риторически спрашивает в своем докладе на конференции по сталинизму С.А. Есиков, как бы подводя итог романтическому увлечению авторов 1990-х – начала 2000-х гг. этой исторической ретроспективой? – Из-за серьёзных изъянов в самих построениях Бухарина и в связи со сложившейся обстановкой в стране и в партии эта альтернатива вряд ли имела шансы на успех. В условиях отсутствия внутривластной демократии

³³ Кондрашин. В.В. Указ. соч. С. 366-369.

руководство партии успешно могло вести борьбу с любыми оппозиционными выступлениями. Большой личный вклад в создание подобной ситуации внес сам Бухарин. ВКП(б), выросшая численно, более чем наполовину неграмотная, люмпенизированная, усвоила одно своё право – слепо исполнять то, что спускалось сверху и крепить единство своих рядов»³⁴.

Что же касается состояния теоретической проработки вопроса дальнейшего осуществления курса партийной политики в деревне, ситуация в науке к концу 20-х гг. хорошо описана в монографии В.А. Мау «Реформы и догмы»: «Короче говоря, политика как бы дала санкцию на игнорирование объективных законов функционирования народного хозяйства. Хотя, по большому счёту, никаких санкций для этого не требовалось. Просто свои законы диктовала логика политической борьбы. А в соответствии с ней сталинской группе потребовалась впечатляющая картина недалёкого будущего, чтобы заклеить и добить “малOVEROV” как справа, так и слева. Отсюда – усиление пропагандистско-мобилизующего значения перспективного плана, столь характерного для времён военного коммунизма». Именно тогда академик Струмилин дал интересную формулировку, отразившую эти настроения: «Наша задача не изучать экономику, а изменять её». С.Г. Струмилину приписывают каламбур, что, мол, он и его сотрудники предпочитали «стоять за высокие темпы, а не сидеть за низкие»³⁵.

Те из современных исследователей перехода советского партийно-государственного руководства к политике коллективизации, что используют методологию крестьяноведения, сосредоточивают внимание не столько на неких умозрительных альтернативах, сколько на том, как приспособивались к новым историческим условиям обе стороны вечного противостояния в российской истории: крестьянство и власть (шире: народ и власть). Системно

³⁴ Есиков С.А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: Итоги и проблемы изучения: Международная научная конференция. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2009; он же. Могла ли быть осуществлена «бухаринская» альтернатива // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI века: Материалы всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2009.

³⁵ Мау В.А. Реформы и догмы. М., 1993. С. 229, 225, 127-128.

подошли к анализу приспособительных стратегий крестьянства новосибирские историки В.М. Рынков и В.А. Ильиных, делая при этом новаторские для нашей историографии выводы. Для основной массы колхозников было характерно парадоксальное сосуществование стратегии инкорпорирования в новую систему (ударничество, повышенные социалистические обязательства, организация «красных обозов» и прочие инициативы) со значительно более распространённым стремлением к «деинкорпорированию» из колхозной системы. Последнее выражалось в таких явлениях, как бегство из деревни, отходничество, выход из колхозов и систематическое уклонение от работы, оставаясь в колхозах, работа «спустя рукава». Исследователи рассмотрели, в каких формах осуществляли своё обычное право на часть государственной продукции представители разных слоёв колхозного населения, как работала деревенская солидарность, иными словами, как на практике применялось советскими колхозными крестьянами то, что в теории для крестьян вообще Дж. Скотт обозначил как «оружие слабых»³⁶.

Широкое полотно осуществления крестьянами Русского Севера стратегий приспособления к государственной политике коллективизации сельского хозяйства разворачивает перед умственным взором читателя на страницах специальной монографии молодой кировский историк Н.Г. Кедров³⁷. И его выводы представляются более убедительными и органичными, нежели выводы известной книги американской исследовательницы Ш. Фицпатрик, писавшей приблизительно о том же и на сходных исторических источниках³⁸. Возможно, так получается именно потому, что наш соотечественник сознательно стремится опираться на разработанные в крестьяноведении представления о характере и формах повседневного сопротивления и приспособления крестьянства. Кроме того, у него, по

³⁶ Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930-1941 гг. Хроникально-документальный сборник. Новосибирск, 2002. С. 249-252.

³⁷ Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М., 2013.

³⁸ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.

собственному признанию, работало что-то вроде «зова предков»³⁹, также, по-видимому, составлявшего препятствие для излишнего увлечения идеей «антисталинизма» советских крестьян той поры.

Современное крестьяноведение носит ярко выраженный междисциплинарный характер. В нём переплетаются составляющие таких устоявшихся дисциплин, как история, социология, социальная психология, антропология и этнография и др. В каком-то смысле оно может смыкаться с работами современных историков и философов *постмодернистского* направления – хотя бы постольку, поскольку крестьяноведение само по себе бросает вызов разновидностям теории прогресса, модерна. Оно так же стремится опираться на лучшее, что создано по объекту крестьяноведческого исследования в области беллетристики и публицистики. Однако различие всё же весьма существенно, и оно коренится как раз в том, что крестьяноведение сознательно держит на вооружении принцип объективности. Он обязывает исследователя черпать своё представление об объекте своего научного интереса и самых различных его аспектах и деталях из *разнообразных источников*: а) монографии представителей разных исследовательских школ, имеющие прямое или косвенное отношение к изучаемой теме, включая и описания результатов полевых исследований; б) документы и статистические материалы; в) воспоминания – письменные и устные – непосредственных участников событий; г) фольклор (сказка, поговорка, частушка, анекдот); д) художественная литература и публицистика.

С первыми тремя группами перечисленных источников развития крестьяноведческих теорий всё более или менее понятно: они как раз дают тот обширнейший фактический и статистический материал по объекту исторического исследования, который необходимо сопоставлять с концепциями «второго порядка», с теориями среднего уровня, подтверждая, уточняя, опровергая последние (в чём и смысл исследования). С пунктами г) и д) несколько сложнее. Начнём с последнего.

³⁹ Кедров Н.Г. Лапти сталинизма. С. 9.

Во времена господства методологий высокого модернизма историки, как советские, так и зарубежные, относились к этого рода литературе несколько свысока. Не очень принято было всерьёз говорить в российской/советской историографии о беллетристике как о полноценном, полновесном историческом источнике. Этот вопрос поднимался на одном из семинаров «Современные концепции аграрного развития», когда при обсуждении концепции монографии американского историка О. Вебера «Из мужиков во французы» (о закономерностях трансформации крестьянских народов в нации) обнаружилось, что Вебер широко пользуется текстами О. Бальзака, Э. Золя, Стендаля для доказательства своих убеждений и утверждений. Участник дискуссии, известный американский специалист по истории аграрных отношений в России во второй половине XIX в. Д. Филд поддержал саму правомерность подобного использования текстов классической литературы, показав впрочем, что приверженец теории прогресса (в данном случае О. Вебер) может видеть в одних и тех же свидетельствах классиков совсем не то, что сторонник крестьяноведческого подхода. К примеру, крестьянин из романа Э. Золя «Судьба семьи Руго», попав под суд за участие в восстании, на допросе мог лишь тупо мямлить: «Я из Пужоля», и для Вебера это было одним из подтверждений того, насколько недалёкими и необразованными были французские крестьяне накануне вступления страны на столбовую дорожку модернизации, прогресса. «Однако специалисты по российской истории, – говорил Филд, – хорошо представляющие себе, как и зачем тамошние крестьяне играли перед представителями власти “тёмных” и “глупых”, склонны к предположению, что и во Франции показная тупость была проявлением трезвости и здравого смысла»⁴⁰. Между прочим, герой знаменитого чеховского «Злоумышленника», представ перед судебным следователем за открученную на железной дороге гайку на грузило, практикует в точности такой же приём, чтобы избежать наказания. И если в рассказе остаётся всё же неясно, удался

⁴⁰ Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1997. № 2. С. 148-149.

ему этот трюк или нет, то его прототипу сходило с рук, и Чехов об этом знал⁴¹. Возможно, писатель не стал делать «хэппи-энд» для «злоумышленника» по воспитательным или цензурным соображениям.

Руководитель семинара В.П. Данилов, реагируя на некоторое недоумение со стороны отдельных участников дискуссии в связи с использованием литературных источников в историческом исследовании, также встал на защиту этой практики: «Очень важно всё, что говорилось о взгляде на деревню извне. В этой связи надо бы особо рассмотреть вопрос о специфике отражения деревенского бытия в научной и художественной литературе, посмотреть, в чём тут разница, где точки соприкосновения. Мы как-то привыкли употреблять выражения “художественное отражение” и “научное исследование”. Между тем широкое использование Вебером в своём исследовании строк Бальзака, Золя и других больших французских художников делает грань между этими понятиями менее жёсткой»⁴².

Чрезвычайно важен тот резонанс, в который часто попадает то, как должен себя вести персонаж крестьянской прозы, с точки зрения теоретической концепции «моральной экономики» или «оружия слабых», и как он на самом деле действует на страницах произведения большого художника, творившего с натуры или по наитию за столетие до концептуализации этой реальности. Теперь явно происходит реабилитация беллетристики и публицистики как исторического источника⁴³. Герменевтические приёмы работы с текстом исторического источника всё более уверенно входят в практику исторического исследования⁴⁴.

Ценнейшим источником для формирования теорий современного крестьяноведения является устный фольклор сельских жителей. На одном из

⁴¹ Громов М.П. Тропа к Чехову: Документально-художественная книга о жизни и творчестве А.П. Чехова. М., 2004. С. 299-300.

⁴² Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1997. № 2. С. 159-160.

⁴³ Бабашкин В.В. О некоторых особенностях социального поведения крестьян: историк и художественная литература // Пути России: культура-общество-человек: материалы международного симпозиума (25-26 января 2008 г.) М., 2008.

⁴⁴ История России XIX-XX веков: Новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. М., 2001; Елуфимова Н.М. Российское крестьянство второй половины XIX – начала XX вв.: исторический дискурс литературных источников. Дисс... канд. культурологии. Балашиха, 2005.

семинаров «Современные концепции аграрного развития» по монографии американца Р. Сиви «Голод в крестьянских обществах»⁴⁵ развернулась острейшая полемика участников вокруг вывода американского исследователя о наличии в крестьянском народе любого общества так называемой «этики праздности», то есть представления о том, как хорошо ничего не делать, и связанных с этим стереотипов трудового поведения по минимизации трудозатрат. Противники такой постановки вопроса «обиделись» за хрестоматийный образ крестьянина-труженика. А те участники дискуссии, кто поддержал «этику праздности» как хороший стимул отфокусировать историческое зрение, получили замечательную возможность опереться на такой шедевр фольклора, как сказка «По щучьему велению», которую очень грамотно и профессионально привёл в своём выступлении А.М. Никулин. По убеждению автора, без учёта «этики праздности» сегодня совершенно невозможно дальнейшее изучение такого важнейшего вопроса отечественной истории, как, например, коллективизация. И не только коллективизация. Этот глубоко укоренённый в менталитете стереотип социально-экономического поведения работает во всех случаях, когда обитатели крестьянского или посткрестьянского общества старательно работают на себя и «спустя рукава» – на хозяина (государство)⁴⁶.

Очень убедительный аргумент привёл тогда известный историк-аграрник, участник Великой Отечественной войны Юрий Александрович Мошков: «Были мы в своё время на фронте. О чём мечтает солдат на войне во время многодневного наступления? (*Из зала: Пospать бы...*) Пospать бы, отдохнуть бы, из этой смертельной обстановки вырваться хоть ненадолго. Следует ли из этого, что солдат – лежебока и потенциальный дезертир? Его поведение – противоположная сторона того колоссального напряжения, огромной тяжести, которая давит на солдата на войне. Поэтому мне ближе позиция тех, кто говорил, что мечта о праздности – это обратная сторона

⁴⁵ Seavoy R.E. *Famine in Peasant Societies*. N. Y., L., 1986.

⁴⁶ См.: Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // *Общественные науки и современность*. 1995. № 3. С. 109.

трудового напряжения, постоянно испытываемого крестьянином в своём труде и во всём строе жизни»⁴⁷.

Об особой значимости фольклора при проведении современных крестьяноведческих исследований говорит и такой пример. Часто историки менталитета обращаются за подтверждением того, что русский народ отрицал ценность денег, богатства, нажитых неправедным путём, ощущая их греховность, к народным пословицам, имевшим хождение среди крестьян и имевшим для них несравненно большее значение, чем для большинства современных людей: «Когда деньги говорят, тогда правда молчит», «Через золото слёзы льются», «Деньги, что камень: тяжело на душу ложатся», «Пусти душу в ад, будешь богат», «В аду не быть – богатства не нажить», «Богатому деньги черти куют», «Деньги – прах, ну их в тартарах», «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом» и др.⁴⁸ Но из того же исторического источника можно черпать вдохновение и при изучении эрозии общинного уклада жизни под воздействием наступления рынка. И.Н. Слепнёв, убеждённо доказывал в своё время участникам международной конференции историков «Менталитет и аграрное развитие России», что денежные отношения в пореформенное время уже прочно входили в жизнь народа, и важнейшее свидетельство тому находил у того же В.И. Даля: «Родись, крестись, женись, умирай, за все денежку подай!»; «После Бога, деньги первыя»; «И барину деньга господин»; «Денежка не Бог, а бережёт»; «При деньгах Панфил всем людям мил; без денег Панфил никому не мил» и т.д. На характерный и несколько недоумённый вопрос из аудитории, рассматривает ли он поговорки как источник или как литературное произведение, докладчик ответил так: «Я использовал пословицы и поговорки именно как исторический источник...»⁴⁹.

С большим пиететом относился В.П. Данилов к такому пласту устного народного творчества, как крестьянская частушка, убеждённо полагая, что в

⁴⁷ Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1995. № 4. С. 28.

⁴⁸ Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа: Сборник В. Даля: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 67-69.

⁴⁹ Слепнёв И.Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 215-218, 406.

иной частушке может содержаться больше исторической правды, чем в пухлом трактате, написанном по политическому заказу. Частушка часто буквально взрывает те границы мышления, в которые политическая власть неизменно желала бы загнать население страны, высмеивая то, что провозглашается святым, приоткрывая то, что в монографиях и учебниках подлежит фигуре умолчания. Не случайно в монографии «Оружие слабых» один из столпов западного крестьяноведения Дж. Скотт отнёс устное народное творчество, ни много ни мало, к одной из форм классовой борьбы, причём борьбы в рамках скрытого повседневного сопротивления, которое он признавал более эффективным и проблемным для властей, чем открытые крестьянские бунты⁵⁰.

В.П. Данилов опубликовал статью о русской частушке как источнике по истории деревни, в которой, в частности, писал: «Особенную ценность имеют произведения, раскрывающие внутреннее отношение человека к новым явлениям и требованиям жизни, отражающие сдвиги в его духовном мире. Для деревни 20-х годов эти сдвиги были в значительной мере связаны с отношением к религии и церкви:

Коммуниста любить –	Крест, цепочку не носить
Надо измениться:	Богу не молиться...

Новое, рождённое революцией сознание вторгается и в сферу самых консервативных отношений – семейно-бытовых. Частушки зафиксировали рост независимости и человеческого достоинства у наиболее униженных и зависимых прежде слоёв деревни:

Савецкая власть!	Если будет меня бить,
Мужа не боюся:	Возьму разведуся...

Ты не сватай, сват богатый –	Мне не надобны палаты,
Коммунист сватал меня.	Буду жить в коммуне я».

⁵⁰ Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян. С. 48, 52.

В этой статье также приведены частушки, показывающие особое отношение жителей советской деревни 20-х гг. к грамотности и образованию⁵¹, что можно без всяких натяжек считать общей закономерностью эволюции крестьянской деревни в эпоху модернизации.

Вообще какие-то важные социально-экономические и духовные закономерности, которые характерны для всех (или очень многих) крестьянских наций, стран, обществ, втягивающихся в модернизационные процессы, описаны в специальной литературе. Такие описания делаются на основе привлечения теорий среднего уровня, к каковым, в частности, относятся современные концепции аграрного развития, теории современного крестьяноведения. И в контексте таких описаний многие важные события российской истории в XX столетии часто выглядят не совсем так, как трактуют их теории высокого уровня, традиции высокого модерна.

⁵¹ Данилов В.П. О русской частушке как источнике по истории деревни // Советская культура: 70 лет развития: Сб. статей. К 80-летию акад. М.П. Кима. М., 1987. С. 389-390.